

УДК 316.342

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

доктор социологических наук, заведующий
отделом социальных структур Института
социологии НАН Украины (Киев)

НАТАЛИЯ КОВАЛИСКО,

доктор социологических наук, профессор ка-
федры истории и теории социологии исто-
рического факультета Львовского наци-
онального университета имени Ивана Фран-
ко (Львов)

Глобальный и локальный диалект нарратива о неравенстве

Аннотация

Изменения в социально-экономическом устройстве, предметном окружении и ритмах повседневной жизни социумов заметно ускорились на рубеже столетий. Имеющие принципиальное значение сдвиги произошли и в самом механизме воспроизводства неравенства, а расширенное воспроизводство расслоения в разных странах и на разных континентах уже не ставится под сомнение в социологической литературе и на форумах ученых. Одновременно сложились два основных диалекта в нарративах о неравенстве — глобальный и локальный. В первом доминантной отличительной чертой являются сравнительные исследования с использованием достоверно установленных признаков или их агрегированных индексов, претендующих на “объективность”. Во втором, локальном нарративе признается значимость особой реальности — субъективно воспринятого неравенства. В статье рассматривается соотношение этих двух нарративов. Предлагаются возможные направления изучения состояния неравенства в Украине.

Ключевые слова: *неравенство, стратификация, глобальное, локальное, различия, неоднородность*

Разговоры, дискуссии, рассказы о неравенстве никогда не покидали горизонта социологического воображения. Прежде всего потому, что оно представляет собой некую социальную константу, постоянно присутствуя на всем протяжении достоверно установленного совместного сосуществования гоминоидов современного типа примерно в 5 тысяч лет. Ряд высказываний превратился в truизм, давно перекочевавший из научных публикаций в заурядные учебники, и все же неизменно (что озадачивает) возвращающийся в академические статьи, от чего и нам не удалось воздержаться при всем артикулированном желании избегать заурядности в формулировках и утверждениях.

Социуму в целом и всем его структурным единицам без изъятия неизменно присуща стратификация, будь то гендер, семья простая или сложная, племя, этнос, неоднородная в географических координатах нация, поселения, группы и категории населения, классы, организации, институты, государства, союзы государств. Все они могут быть охарактеризованы посредством иерархических подразделений: выше — ниже, богаче — беднее, сильнее — слабее, обладающие правами — бесправные, господствующие — подчиняющиеся, включенные — исключенные. Выбор дихотомий или более дробных иерархичных признаков велик и не исчерпывается перечисленными. Быть не просто разными, но неравными — такова судьба каждого из нас в отдельности, общностей, к которым мы принадлежим или к которым себя причисляем. Независимо от изменчивости количественного выражения феномена неравенства в социологии он принимается за экзистенциальную константу, неудаляемую безусловность.

При всем при том интерес исследователей к неравенству переменчив и спорадичен. В горизонте их воображения тематика и проблематика неравенства периодически актуализируется, обычно совпадая во времени с социально-экономическими и прочими кризисами и разного рода чрезвычайными обстоятельствами. Радикальное возмущение привычного хода и порядка вещей является — отчасти, разумеется — следствием изменений в состоянии неравенства в конкретных сообществах, чреватых, как водится, непредотвратимыми социальными исходами негативного плана. Именно так и произошло в первые два десятилетия текущего столетия, когда социологи на своих мировых и европейских форумах обсуждали проблемы нестабильности, кризисов, неравенства и их социальных последствий. Третий конгресс Социологической ассоциации Украины, состоявшийся 12–13 октября 2017 года, также имел похожую тематику — “Новые неравенства — новые конфликты: пути преодоления”. На этом конгрессе В.Бакиров и О.Куценко представили предварительные результаты проведенного САУ исследования множественных расслоений в обществе.

Очевидная пульсация значимости стратификационной проблематики производна от меняющейся интенсивности, скорости и усложняющихся механизмов репликации асимметрий в доступе индивидов и их сообществ к жизненно важным благам и возможностям вследствие модификации режимов взаимодействия глобальных, локальных, институциональных, инновационных факторов, обстоятельств, условий. Новые — вместе с перманентно и эмерджентно модифицирующимися прежними — состояния иерархических порядков востребуют релевантных вопросов и нетривиальных ответов от испытателей природы социальности. Вопросы и ответы неочевидны, сложны, шаблонности и ловушки выхолощенных ординарностей многочис-

ленны, а подступы к неподдельности и подлинности не обозначены. В подобной ситуации траление новых смыслов оказывается только обещанием, но не гарантией науки, зачином проверки компетентности исследователя.

Все становится еще запутаннее, если не выносить за скобки, не абстрагироваться от затейливой и головоломной игры, взаимных переливов неравенств и различий. Между субъектами неравенств существует, как известно, множество отличий. Но в большинстве случаев не ясно, какие из них, при каких условиях и каким способом возводятся в статус неравенств. Безусловно, некие признаки или качества, прежде безучастные или несущественные, иногда превращаются в нечто значительное, в беспокоящие или даже в неприемлемые неравенства, в новые их конфигурации с невиданными прежде напряжениями внутри. Вероятно, быть может, и обратное движение — от неравенств к различиям, процесс обезразличивания. Обоюдный метаморфоз, если он вообще имеет место, практически еще не исследован. Так, по крайней мере, нам сегодня представляется.

Конечно же, научное разыскание обязательно прибегает к упрощениям и идеализациям. Собственно, большинство критических замечаний на публикуемые исследователями результаты метят именно в это. Представленные ниже констатации имеют своим источником следующее упрощение: социологический нарратив о неравенстве отчетливо распался на два диалекта — глобальный и локальный. Каждый обозначился своими особенностями, возможностями и ограничениями, не утрачивая, однако, взаимной соотношенности благодаря концептуальному словарю, методам сбора и обработки эмпирической информации, присущим такой субдисциплине, как социология стратификации и мобильности. Выбора практически нет: практикующие данную субдисциплину и ее адепты вынуждены говорить на “суржике” — смеси двух диалектов, в которой универсальные образы и концепты, неоднозначно контактируя с локальными реалиями, способствуют формулированию более или менее релевантных, местной значимости определенных состояний и ситуаций [Макеев, Оксамитная, 2016].

Глобальный диалект нарратива о неравенстве: компаративный тренд

Аналитическое выделение в том, что специалисты социально-гуманитарных наук привычно именуют “обществом”, двух планов — одного предметно-вещественного, институционально-организационного и группового, с face-to-face и удаленными взаимодействиями и коммуникациями, другого виртуального, сетевого, невидимого, но не менее реального — за последние два десятилетия стало привычным, нимало не утратив при этом загадочности. В этой “второй реальности”, как ее можно назвать, общаются, развлекаются или, к примеру, объявляют о своем присутствии, совсем по-гоффмановски представляют себя другим. Но также — эмоционально реагируют на события, дружат, ссорятся, высказывают предпочтения и склонности, оставляя индивидуализированные цифровые следы и свидетельства и позволяя заинтересованным рекламодателям и политическим консультантам создавать архивы персональных данных.

Кроме того, там архивы знаний и новостей, там зарабатывают и ищут работу, расплачиваются, покупают, там есть свои деньги (криптовалюты), а

наши “живые” деньги частью переместились туда же, оставив нам поручительство в виде платежных карт. Посредством инета просвещают и вводят в заблуждение, мобилизуют к действию на основе солидарности или неприемлимой розни. Там складываются и распадаются онлайн-взаимодействия и онлайн-сообщества, формируются иерархические порядки на всевозможных основаниях, что потребовало создания специфических концептов и программных методов сбора, анализа и презентации данных [Дудина, 2016; Печенкин, Зайонц, 2011; Рыков, Нагорный, 2017; Скокова, 2017; Шабашев, Щербакова, 2016; Kaigram et al., 2012; Dunbar et al., 2015]. Впрочем, в онлайн-исследованиях проблем пока больше, чем полученных достоверных результатов [Девятко, 2012; Корытникова, 2015].

Когда говорят, будто в сети “есть все”, то констатируется фактически состоявшееся удвоение нашего привычного мира. Причем сообщаемость обоих планов, реальностей, миров беспрецедентна: действие в “виртуальном” имеет иногда моментальные эффекты в “реальном”. О сбоях в платежных системах, производственных циклах, схемах управления движением на всех видах транспорта и прочем в традиционных и новых медиа ныне сообщают много чаще, чем о природных катаклизмах. Иначе говоря, невиданно расширились возможности индивидов и их сообществ (хакеры, какие-то “кибервойска” в специальных институтах при разведывательных органах и обеспечивающих безопасность структурах) вредить себе подобным согласно степени причастности к цифровым технологиям и оснащенности ими. И действительно, в инете грабят, совершают преступления, за которые судят и отправляют в заключение уже в реальном мире, в нем устраиваются диверсии и ведутся войны. В общем, выгоды и преимущества от созидательного потенциала всемирной паутины ощутимы, но сопровождаются — быть может, в не меньших масштабах — всякого свойства разрушительными эффектами.

Отсюда следует, что не только эвентуально, но и взаправду отношения двух планов “общества” до сего времени асимметричны. Неравенство, как и многое другое, бытует и более ощутимо в привычном мире. А намерение составить корректное представление о том, в какой мере, насколько явственно и для кого именно оно присутствует в инете, хотя и попало в исследовательские планы, но уместные, сообразные предмету наблюдений методы и приемы находятся, очевидно, в стадии планирования и конструирования; иллюзия равенства в виртуальной реальности все еще убедительна. Пожалуй, лишь темы цифрового разрыва (digital divide), онлайн-сообществ и социального капитала имеют уже прочную и длительную историю рассмотрения и анализа [Рыков, Нагорный, 2017: с. 372–377].

Уверенно можно говорить о двух феноменах: о “занесении” реальных неравенств в инет, когда более образованные чаще и дольше находятся в сети, а также о существовании там нестабильных иерархий популярности или авторитета, фиксируемых всевозможными счетчиками посещений, запросов, упоминаний. Менее уверенно — о формировании некоей разновидности “гражданства” с какими-то внутренними дифференциациями, о космополитической утопии без “родины”, но с твердой приверженностью бренду, можно даже — об эволюции в направлении некоей коллективности с символическими или иного свойства кордонами совместного существования (соприсутствия), имитирующего и напоминающего “государство”.

Цифровые технологии и социальные медиа — едва ли не безупречные герои глобальных трендов. А на памяти ныне живущих поколений безусловно глобальным стал капитализм, который, если довериться Л.Болтански и Э.Кьяпелло с их описанием “нового духа капитализма”, чувствует себя много лучше, чем то, что мы называем “общество”. Ему удастся процветать, а обществу в удел перепадает деградация. Но независимо от того, так это или нет (мнения на сей счет столь радикально расходятся, что Т.Пикетти считает подобные споры диалогом глухих [Piketti, 2014: p. 3]), а капитализм остается доминантным продуцентом неравенства. Причем основным считается и признается неравенство по доходу и владению имуществом, с которыми то ли причинно-следственными, то ли корреляционными отношениями связаны жизненно важные сферы повседневной жизни. Другими словами, стратификация заработных плат различных категорий и профессий занятых — довольно простой показатель — используется в качестве независимой переменной в социально-экономических и политологических исследованиях, подводя материальный фундамент под комплекс социальных взаимодействий.

В нескольких публикациях последнего времени основные тренды расширенного воспроизводства неравенства и его социальные эффекты рассматриваются наиболее обстоятельно [Wilkinson, Pickett, 2010; Piketti, 2014; Пикетти, 2015; Стиглиц, 2015; Стиглиц, 2016]. Ряд допущений и утверждений представляются особенно важными (впрочем, далее они перечисляются не в порядке значимости). Во-первых, неравенство в доходах и потреблении может быть и является в действительности очень большим как в богатых странах (к примеру, США), так и в бедных. И напротив, равенство может быть ощутимым как в богатых странах, так и в бедных. Во-вторых, в расширенном или суженном воспроизводстве неравенства участвуют экономика и государство (два основных института), так что экономическое неравенство неизменно соседствует или опосредствуется политическим неравенством [Стиглиц, 2015: с. 17; Piketti, 2014: p. 471–493]. Отсюда следует, что стоило бы окончательно расстаться с той иллюзией, что рынок и рост производства сами по себе отрегулируют разительные дисбалансы в благосостоянии между 1% и 99% населения — великий разрыв, такова констатация, вынесенная в заглавие книги Дж.Стиглица [Стиглиц, 2016].

В-третьих, эволюция капитализма хорошо документирована экономической статистикой, а исследователи признают ее достоверной, строя графики и динамические ряды. Как это сделано в докладе Национального бюро экономических исследований (NBER) на данных World Wealth and Income Database (WID.world), там же изложена краткая история создания базы данных [Alvaredo et al., 2017]. В-четвертых, в глобальном нарративе о неравенстве преобладает компаративный тренд в пространстве-времени совместной жизни стран и народов. Во времени отслеживаются различные состояния капитализма [Piketti, 2014], а также сравниваются различные страны по неравенству дохода, тогда как динамика неравенства зависит от специфики социальной политики и своеобразия институтов разных обществ в национальных границах. В-пятых, с неравенством более или менее чувствительно и тесно связан ряд проблем, список которых хотя и не установлен окончательно, но вполне обозрим, не оспаривается, пригоден для сравнения разных стран и характеризует широко понимаемое качество жизни. Так, в работе Р.Вилкинсона и К.Пикетт их девять: уровень доверия, психические расстройства (трево-

га, стрессы, наркомания и алкоголизм), ожидаемая продолжительность жизни и смертность новорожденных, лишний вес (ожирение), успешность детей в школе, материнство несовершеннолетних, убийства, доля заключенных, социальная мобильность [Wilkinson, Pickett, 2010: p. 19].

В-шестых, неравенство, а не бедность признается, по крайней мере в развитых странах, серьезным социальным изъяном, тем, что становится модусом нашего духа, возводится на уровень духа независимо от актуального социального положения (как это прочитывается в названии книги упомянутых авторов — Spirit level) и что различными путями проникает под кожу, формируя определенные эмоциональные состояния (стыд, зависть, смятение) [Wilkinson, Pickett, 2010: p. 31–72]. В-седьмых, сокращение наличного неравенства здесь и теперь оказывается вложениями в будущее, в лучшее качество жизни следующих поколений, в оздоровление индивидуальной и совместной жизни в рамках национальных государств.

С.Хэлфорд и М.Сэвидж полагают, что работы Т.Пикетти, Р.Вилкинсона и К.Пикетт обозначили переход к новому модусу социального анализа, к тому, что они называют “симфонической социальной наукой”. Ее отличительными чертами являются использование больших коллекций разнородной, собранной из разных источников информации и визуализация — наглядная аргументация не таблицами, но графиками и картинками — выявляемых разными методами корреляций между доходом и множественными социальными проблемами. Так из тем и вариаций создаются симфонические и панорамные произведения, будоражащие воображение и глубоко впечатляющие. Именно такая наука наиболее предуготовлена к цифровой эре, к миру Big Data, где, якобы, “цифры говорят сами за себя”. И будущее социологии обусловлено мерой включения в процессы агрегации и классификации больших массивов данных [Halford, Savage, 2017].

В глобальном нарративе о неравенстве безусловно господствуют экономисты, а Р.Вилкинсон и К.Пикетт вообще по специальности эпидемиологи (отсюда повышенный интерес к проблемам здоровья). Монография “Spirit Level” вышла тремя изданиями с 2009 по 2011 год, и к 2012 году было продано 150 тысяч экземпляров. Она вызвала множество откликов и критических замечаний, о которых легче всего узнать в английском сегменте Википедии, набрав в поисковике название книги. Голос же социологов звучит приглушённой, не вызывая подобного общественного резонанса. Их компаративные разыскания основываются на выборочных количественных опросах, каковым, похоже, доверяют меньше, чем данным статистики, и, быть может, оттого настороженно воспринимают и журналисты, и политики.

Ничего подобного общественной реакции на публикацию эпидемиологов, а также на книги Т.Пикетти или Дж.Стиглица социологам не светило. Тем не менее им введом глобальный диалект нарратива о неравенстве. XVIII конгресс Международной социологической ассоциации (ISA) 2014 года прошёл по теме “Сталкиваясь с неравным миром: вызовы глобальной социологии” и отметил выдающиеся достижения И.Валлерстайна в изучение глобализирующихся неравенств. По итогам конгресса в статье в “Социологических исследованиях” С.Кравченко выделил 15 “новых реалий глобальных неравенств” [Кравченко, 2015]. Речь там шла как о “новых неравенствах”, таких как риски, уязвимость, отсутствие безопасности, так и о “новых реалиях” уже известных — они будто обрели новую свежесть и глубину, усложнились и ста-

ли более вызывающими. Интервенции тех и других в жизнь людей и стран, ухудшающие качество этой жизни, стало труднее переносить. А Г.Терборн в названии презентowanej на конгрессе книги был еще жестче. Как и подобает истинному марксисту, он категоричен: неравенство не просто мешает нам жить, создаваемое неравенствами поле нас убивает — в смысле влияния на здоровье и продолжительность жизни [Therborn, 2013].

Впрочем, методики слежения за состоянием и динамикой неравенств остаются традиционными. Д.Голдторп, откликаясь на работу Р.Вилкинсона и К.Пикетт, указывал на то, что с социологической точки зрения не доход, а класс является независимой переменной, уместной в анализе неравенства в доступе и обладании социально и индивидуально значимыми благами [Goldthorpe, 2010]. Но это, опять-таки, не препятствует использовать в публикациях показатель дохода или коэффициент Джини, равно как и менее популярные основания репрезентации неравенства в виде социально-экономического индекса (SEI) и шкалы престижа Д.Треймана. Именно классовые схемы используются в Европейском социальном исследовании (ESS), которое проводится с 2001 года через каждые два года и в пяти волнах которого присутствовала Украина. Особенности построения там классовых схем и перекодирования одних в другие подробно разобраны в отечественных публикациях Е.Симончук [Симончук, 2007].

Д.Голдторп, Е.О.Райт, Г.Эспин-Андерсен — социологи по самоидентификации и внешней идентификации, главные дизайнеры классовых схем — явно или по умолчанию исходят из той же предпосылки о капитализме как первенствующем дизайнере и разработчике стратификационных порядков, из чего следует, что определяющим в анализе неравенства оказывается положение индивида на рынке/рынках занятости. То есть эмпирически ориентированный социолог, принимающий подобную предпосылку, сознательно, как полагают они, абстрагируется от признания роли в воспроизводстве значимых различий социального происхождения или того, что называют культурным и социальным капиталом. Многие социологи противятся такому ограничению, и их так много, что обзор подобных работ достоин отдельного рассмотрения. Упомянем сперва работу С.Волби, аргументирующую необходимость в контексте глобализации рассматривать неравенство в виде конечного продукта разнообразных факторов — как множественное, взаимосвязанное (intersectionality) неравенство [Walby, 2009]. Остается, правда, неясным, как такое сложное неравенство изучать эмпирически, имеющимися в нашем распоряжении методами и методиками.

В этом десятилетии в Англии, стране с традиционно постоянным вниманием к проблемам социального расслоения, интернациональный коллектив социологов операционализировал теорию капиталов, создав необходимые методические предпосылки репрезентативного количественного обследования, позволяющего фиксировать и предъявлять обоснованную социально-классовую карту в пределах национального государства. В 2011 году по заказу ВВС состоялся эмпирический этап исследования, а в самом начале 2013 года в журнале “Sociology” девять авторов — что весьма необычно для социологических статей — опубликовали первые результаты обработки данных в статье “Новая модель социальных классов? Результаты экспериментального исследования класса в Великобритании по заказу ВВС” [Savage et al., 2013]. Вопросительный знак после первого предложения в названии статьи — это и

знак предосторожности, и референт сомнений и ожиданий авторов: является ли модель воистину новой и будет ли принята научными сообществами, осуществляющими анализ социальных структур и стратификации, или же модель так и останется “локальным” экспериментом?

Однако принятие нового в науке — процесс непростой и длительный, и общественные науки тут не исключение. Хотя очевидно, что лимит на новации в исследовании расслоения не исчерпан, в сравнительных исследованиях пока по-прежнему будет применяться классовая схема в ее различных модификациях. В начале октября 2017 года на сайте библиографии ESS (www.europeansocialsurvey.org/bibliography/) числилось множество книг и статей в журналах и сборниках, в которых сопоставляются данные европейских стран. Среди них нашлось 246, которые были отобраны поисковой системой сайта после введения слова “inequality”. Сюжеты ограничены тематическими сменными блоками, которые репрезентируют основные социальные проблемы современной Европы: перспективы демократии, права и свободы, ценности, благосостояние, политическое участие, доверие, работа, здоровье, счастье, тревога, стрессы. В общей библиографии перечислены 10 украинских публикаций, но отсутствует коллективная монография 2007 года, подготовленная сотрудниками Института социологии НАН Украины и факультета социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко [Украинское общество, 2007].

Классовая схема используется и в ежегодно проводимом Международном проекте социального исследования (ISSP). Модуль “Социальное неравенство” присутствовал в опросах 1987, 1992, 1999 и 2009 годов, причем каждый год модуль частично обновляется. В нем содержатся вопросы об установках относительно неравенства, оценки справедливости оплаты труда, легитимности неравенства, значения семьи в служебной карьере и достижении жизненного успеха, конфликтности в обществе. Группой международных авторов подготовлена и издана книга о том, как граждане видят и оценивают неравенство в разных странах: социальную мобильность, восприятие механизмов генерации неравенства, отношение к безработице и распределению доходов [Edlund et al., 2017]. В 2009 году Украина участвовала в опросе, данные которого опубликованы [Бабенко, 2009; Макеев, Малиш, 2012]. Тут-то и обнаружилось, что украинцы считают неравенство в стране гораздо более глубоким, чем население подавляющего количества стран, участвующих в проекте ISSP. Следующая волна модуля запланирована на 2019 год, в ней желательно было бы принять участие для идентификации положения страны на глобальном уровне и динамики оценок расслоения, но ни Академия наук, ни Министерство образования и науки таких средств не имеют.

Оба проекта — ESS и ISSP — направлены на установление и описание субъективной реальности неравенства. Очевидно, что восприятие расслоения в обществе способно заметно расходиться с тем, что можно именовать “реальным расслоением”. С последним же едва ли не сплошные неясности: в социологии отсутствуют средства его фиксации, и к ней бесполезно обращаться с вопрошанием такого рода. Вместо этого специалисты данной дисциплины в названных проектах исходят из того, что представление о неравенстве, вне зависимости от того, насколько оно “точное” в отношении к “реальности”, мотивирует и побуждает к реакции. Иначе говоря, сложившиеся и предъявляемые респондентами мнения и представления уязвляют, огор-

чают, раздражают, вызывают к оценкам и коллективному либо индивидуальному действию столь же настоятельно, как и якобы “верные и правильные”, будто такие в принципе возможны. Вот тут-то в права и вступает локальный диалект нарратива о неравенстве.

Локальный диалект нарратива о неравенстве: господство ситуации и завесы непрозрачности

Два наблюдения твердо переводят разговор о стратификации в регистр локальности. Даже больше: они требуют такой переналадки исследовательской оптики, при которой в фокусе оказывалось бы топическое (местное). Прежде всего, данные модуля “Социальное неравенство” проекта ISSP обнаруживают большое разнообразие восприятия расслоения респондентами разных стран. Апелляция к “реальности” здесь мало что проясняет, какими бы показателями ни пользоваться. Тем самым ставится под сомнение весьма распространенная в обществоведении констатация, согласно которой индивиды обладают развитым “чувством места”, некоей способностью более или менее надежно и корректно размещать себя в системе социально дифференцированных координат.

В случае с неравенством что-то не срабатывает. Индивиды занимают позиции на рынках труда/занятости, которые по применяемым алгоритмам сводятся в классовые позиции в проектах ESS и ISSP. Но даже в западных странах с похожим уровнем благосостояния объединенные в одни классы индивиды различно оценивают глубину и значение социального расслоения. С одного, вроде бы, ракурса они видят и воспроизводят в своих ответах на вопросы анкеты разные общественно значимые пейзажи. Значит в игру восприятия и репрезентации вступили и определяют ее ход какие-то влиятельные факторы и состояния, не распознаваемые инструментарием количественного опроса.

Среди изучающих неравенство нет расхождений в диагностике важнейшего фактора — это чувство справедливости/несправедливости. Достаточно посмотреть, насколько часто эти слова встречаются в перечисленных выше книгах о капитализме и неравенстве. В то же время никто не возьмется, поскольку невыполнимо, составить баланс справедливого неравенства и несправедливого неравенства, а существующие теории справедливости тут не помогают. Дело еще и в том, что индивиды в своих оценках руководствуются “повседневной идеологией справедливости”, как сказала бы И.Попова, складывающейся под влиянием прошлого опыта и актуальной жизненной ситуации, о дифференциации которой среди разных категорий населения достоверно можно узнать из данных, полученных с применением того же модуля ISSP. Вдобавок констатация глубокого неравенства, как в случае Украины, означает также признание социально-политической и социально-экономической системы несправедливой в целом.

Второе наблюдение подтверждает первое: индивиды, принадлежащие к разным классам, выделенным согласно известным критериям, наиболее массово относят себя к среднему классу, а не к высшему или к рабочему. И причина тут не только в разнице экспертной (предлагаемой специалистами) и непрофессиональной (используемой гражданами) классификаций. С.Ирвин, применив в качественном анализе непрофессионального воспри-

ятия социального неравенства некоторые картинки из модуля ISSP, показала, как видение из перспективы занимаемой позиции структурных диспропорций и описание их существенно корректируются жизненным опытом преодоления тех ограничений, которые связываются с феноменами эксклюзии, несправедливости в распределении шансов и возможностей, разрыва между богатыми и бедными [Irvin, 2016].

В 2016 году американская ассоциация политической науки (APSA) считала лучшим исследованием, представленным на ее конгрессе, статью В.Гимпельсона и Д.Трейсмана “Неверно представляемое неравенство” [Gimpelson, Treisman, 2015]. Авторы всерьез полагают, будто экономическое неравенство, выявляемое сложной обработкой данных обследования домохозяйств, является правильным, а вот представление о нем неверным; таков вывод их обстоятельного анализа сравнительной эмпирической информации проекта ISSP. Он сомнителен, но некоторые следствия очевидны. Первым делом для корректной интерпретации глобальных сравнительных материалов необходимо принимать во внимание особенности локальных социально-культурных и экономических обстоятельств. Другое следствие точно сформулировано в одном из сообщений о награде APSA — неважно, каково неравенство в стране, важно, как люди его видят.

В общем знаки и свидетельства иерархических структур считаются индивидами из перспективы их прошлых и повседневных жизненных условий, в которых позиция на рынках занятости — всего лишь одна из составляющих. В социологии и социальной психологии признается ценность или даже господство ситуации (ситуационизма, пребывания в ситуациях и памяти о прошлых историях, в которые индивиды вовлекались помимо своей воли или которые конструировали инициативно) в объяснении личностных установок, предпочтений и намерений действовать (краткий обзор литературы см.: [Стан сингулярности, 2017: с. 37–41]). Если представления о неравенстве имеют статус реальности, подлежащей самостоятельному исследованию, то необходимо отдавать себе отчет в тех ограничениях, которые налагаются конкретным положением дел в стране и внешними условиями существования личности и эмоциональными реакциями на них.

В Украине ситуация с социальным неравенством сокрыта за завесой непрозрачности. Если иметь в виду статистические данные о доходах и благосостоянии, которыми принято оперировать в экономических исследованиях, то невозможно сформулировать релевантные высказывания о так называемой “объективной ситуации социального расслоения”. Обоснование данного утверждения начнем с сообщения, распространенного УНИАН 27 апреля 2017 года (язык оригинала, цитируется газета, принадлежащая к “качественной” прессе):

“Индекс неравенства: Украина стала лидером среди стран с наименьшим разрывом между бедными и богатыми (инфографика). Впрочем, если не сосредотачиваться исключительно на финансовом неравенстве, а оценивать и уровень жизни, то результат будет отличаться.

Оценка неравенства далеко не однозначна, если не сосредотачиваться исключительно на финансовом неравенстве. Украина возглавила рейтинг стран, в которых фиксируется наименьший разрыв между бедными и богатыми гражданами. Такие результаты исследования “Индекса неравенства”, сообщает The Guardian. В частности, исследование проходило в 140 странах мира

и включало в себя два показателя степени расслоения общества — Коэффициент Джини и Коэффициент Пальма. Коэффициент Джини — наиболее используемый показатель неравенства, который учитывает распределение доходов страны, где 0 представляет собой полное равенство и 100 общее неравенство. Следовательно, используя последние данные Всемирного банка, исследователи определили, что Южная Африка, Намибия и Гаити являются одними из самых неравных стран с точки зрения распределения доходов. В то же время, Украину, Словению и Норвегию относят к наиболее равноправным нациям в мире. В то же время, как отмечает издание, коэффициент Пальма является альтернативой коэффициенту Джини, сосредоточивает внимание на растущей пропасти между богатыми и бедными в обществе. Согласно исследованиям, Украина снова в лидерах. Однако в издании отмечается, что оценка неравенства далеко не однозначна, если не сосредоточиваться исключительно на финансовом неравенстве, а оценивать и уровень жизни, то результат будет отличаться. Например, по результатам Всемирного доклада о счастье 2017 (World Happiness Report 2017), основанном на показателях ВВП на душу населения, уровне социальной поддержки, ожидаемой продолжительности жизни, свободе граждан принимать жизненно важные решения, щедрости и отношению к коррупции, Украина занимает 132-е место из 155”.

Парадокс в том, что обе альтернативные констатации — самые равные vs самые неравные — следует признать достоверными. Первая отражает актуальное состояние отечественной статистики, которая не содержит отчетов о доходах наиболее высокооплачиваемых категорий граждан. Она даже не лукавит, она просто не знает. Аналогичная ситуация в России. В докладе Национальному бюро экономических исследований (NBER) о неравенстве в этой стране Т. Пикетти с соавторами сетует на неполноту первичных данных и финансовую непрозрачность. Так что графики сравнения с другими странами строить можно, но приходится признавать исходные данные неудовлетворительными [Novokmet, Piketti, Zucman, 2017: p. 40]. Между тем в развитых странах в открытом доступе сведения об оплате труда исполнительных директоров крупнейших компаний и корпораций, что позволяет оценивать разрывы в благосостоянии между теми же исполнительными директорами и учителями, слесарями, водителями трамваев и профессорами университетов, а также отслеживать динамику подобных разрывов.

Кроме того, значительная часть украинской экономики, а значит и доходов населения, находится в “тени”. Но если масштабы теневой экономики поддаются оценке некими косвенными показателями, то о доходах того же сказать нельзя. Опросными методами делу не помочь: в проектах ESS и ISSP содержатся вопросы о заработных платах, но респонденты в большинстве стран дружно на них не отвечают. В семи волнах европейского исследования в среднем о доходе сообщили 4% респондентов. Показатель поправляется информацией с Украины — и в международных обследованиях, и в мониторинге Института социологии НАН Украины не отвечают на вопрос о доходах 20–25% граждан. Однако уровень сообщаемых сумм и невелик, и приуменьшается: летом 2017 года объявленная опрошенными средняя зарплата составила 3265 гривен. По подсчетам Держкомстата в январе 2016 года усредненный заработок украинцев равнялся 4362 гривнам, а в июне 2017 года, после повышения с первого января минимальной зарплаты в два раза фигурирует цифра в 7360 гривен. Вполне вероятно, что респонденты действительно при-

уменьшают доходы в ситуации опроса, как нельзя исключать и того, что реальные выплаты отличаются от декларируемых субъектами хозяйствования.

Если не смущать себя вопрошаниями о “теневых” доходах, то наиболее обстоятельная оценка экономического неравенства, измеряемого доходами и расходами домохозяйств, применительно к относительно устойчивому росту экономики Украины в нулевые годы нового века дана в коллективной монографии под редакцией Э.Либановой [Нерівність в Україні, 2012]. Даже после доступного уточнения исходных данных среднее значение коэффициента Джини по совокупным расходам в 2011 году составило 27,7 (расходы несколько больше доходов — тенденция, свойственная всему периоду независимости страны), что стоит трактовать как умеренное неравенство. К тому же коэффициент меньше в сельской местности и одинаков для крупных и малых городов [Нерівність в Україні, 2012: с. 238]. После событий 2013–2014 годов и войны на Востоке страны подобные оценки подлежат пересмотру.

Вторая констатация в сообщении УНИАН — Украина принадлежит к числу стран с наибольшим неравенством — также справедлива. Ведь тут данные о доходах дополнены информацией, полученной в опросах. Поскольку на материалах ISSP продемонстрировано, что наши соотечественники считают очень высоким уровень неравенства в стране, постольку суммарный индекс помещает Украину в самый конец иерархического списка. В отношении субъективно воспринимаемого неравенства неправильно спрашивать, преувеличивают или приуменьшают граждане существующее неравенство. Именно потому, что невозможно зафиксировать “объективное” состояние расслоения. А комбинация того, что условно имеет смысл называть “объективным”, с тем, что является “субъективным”, предстает в причудливо-асимметричном виде.

Тем не менее социологический локальный нарратив о стратификации и степени стратифицированности общества подлежит развитию и концептуальному обогащению. Здесь можно опираться на концептуальные наработки и опыт эмпирических разысканий, имеющийся в отечественной литературе [Коваліско, 2008; Макеев, Домаранская, 2014]. А начинать следует с определения исходных обстоятельств, побуждающих к дальнейшим разысканиям. В Украине они необычны, и в первом приближении о них можно сказать следующее.

Цены на большинство товаров и услуг в стране примерно на 15–40% ниже, чем у наших западных соседей (Венгрия, Польша, Чехия — по оценкам граждан на сайте www.pubeo.com). Только один товар — рабочая сила — по официальным данным стоит в 3–5 раз дешевле. Как тогда возможно, что по обладанию бытовыми приборами, одеждой и прочим наши граждане от них практически не отличаются, а дорогих автомобилей в центре Киева и любого областного центра заметно больше, чем в Будапеште, Варшаве или Праге? И, второе, почему украинцы гораздо радикальнее своих соседей в оценке степени стратифицированности общества?

Расколдовыванию (по М.Веберу, это социологическая операция правильного вопрошания и поиска аргументированных ответов) такое положение дел и подлежит. Или, по-другому, расширение локального диалекта возможно за счет тенденций, выразительно обозначившихся в глобальном: его “симфонизация”, корректная комбинация данных из разных источников и визуализация получаемых результатов. Имеется в виду, по сути, выход за

пределы привычного репертуара изучения стратификации. К тому же сам локальный диалект нарратива о неравенстве имеет ряд самостоятельных координат — страна в целом в европейском или мировом контексте, регионы страны (Запад, Восток, Центр, Юг, Север), типы поселений (города разных размеров и сельские населенные пункты), наконец схожие жизненные ситуации. И тогда перечень некоторых сюжетов предполагаемых исследований видится нам таким:

- представления о неравенстве населения Украины в глобальном сравнительном контексте, что предполагает участие в проекте ISSP;
- оценка текущей социально-экономической ситуации в стране и ее воздействия на процессы социального расслоения;
- каким образом государство в качестве социального института стратифицирует граждан поверх обычных социальных различий, отмечая их заслуги, предоставляя льготы, привилегии, послабления;
- в фокус исследовательского интереса стоило бы помещать не столько установление количественной оценки неравенства, сколько выявление механизма перераспределения теневых и неофициальных доходов (незарегистрированная занятость, зарплата в “конвертах”, коррупция, работа за рубежом). Этот механизм фактически и формирует благосостояние граждан. Хотя некоторые его детали и составные части практически недоступны для эмпирического изучения, концептуальные представления о них все же имеет смысл составлять. Небезосновательным видится предположение о том, что именно такой механизм возбуждает острое чувство несправедливости того, что происходит в сфере труда и его вознаграждения и что касается качества жизни в целом;
- фиксация, описание и представление отличий в оценке неравенства в институциональных, региональных, поселенческих и ситуационных координатах.

* * *

В главе “Что такое реальность” в книге С.Хокинга “Высший замысел” приводится такая история: “В итальянском городе Монца несколько лет назад муниципальный совет запретил жителям держать золотых рыбок в шаровидных аквариумах. Инициатор этой меры объяснил запрет тем, что держать рыбку в сосуде с изогнутыми стенками жестоко, потому что, глядя наружу, рыбка видит искаженную картину реальности”. А потом в главе представлен ряд убедительных аргументов в обоснование тезиса о том, что наука представляет собой в высокой степени замысловатый способ производства “искаженных картин реальности”. В случае с неравенством — искаженной в том смысле, что в социологической перспективе изучаемый объект “чувственно-сверхчувствен”, а многие его компоненты не поддаются количественному измерению. К тому же применяемые исследовательские приемы столь несовершенны, что позволяют улавливать лишь контуры отличных друг от друга и внутренне неоднородных элементов классификации. Выстроенные временные ряды вызывают сомнение, а самим элементам совсем непросто дать правильные имена, если таковые вообще существуют. Убедительность получаемых группировок, очевидно, позитивно коррелирует с усложнением комбинаторики процедур идентификации множеств, именуе-

мых классами неравенств, слоями, стратифицированными порядками. И негативно — с остающимися в употреблении неизбежными упрощениями глобальных и локальных гетерохронотопий (реальностей) изыскательскими процедурами и операциями.

Источники

Бабенко С. Соціальна нерівність в оцінках населення України (за результатами міжнародного дослідження ISSP 2009 року / Бабенко С.; за ред. О. Іващенко. — К.: Ін-т соціології НАНУ; Київ. міжнар. ін-т соціології; Ін-т політики; центр “Соціальні індикатори”, 2009. — 44 с.

Девятко И.Ф. Инструментарий онлайн-исследований: попытка каталогизации / И.Ф. Девятко // Онлайн исследования в России 3.0 / под ред. А.В. Шашкина, И.Ф. Девятко, С.Г. Давыдова. — М.: Кодекс, 2012. — С. 17–30.

Дудина В.И. Цифровые данные — потенциал развития социологического знания / В.И. Дудина // Социологические исследования. — 2016. — № 9. — С. 21–30.

Коваліско Н. Стратифікаційні порядки суспільства: концептуальні уявлення та досвід вивчення / Наталія Коваліско. — К.: Ін-т соціології НАНУ, 2008. — 237 с.

Корытничкова Н.В. Online big data как источник аналитической информации в онлайн-исследованиях / Н.В. Корытничкова // Социологические исследования. — 2015. — № 8. — С. 14–24.

Кравченко С.А. Мосты, соединяющие возможные расколы социологии ради более равного мира / С.А. Кравченко // Социологические исследования. — 2015. — № 2. — С. 29–38.

Макеев С. Введение: определять состояние и давать ему имя / Сергей Макеев, Светлана Оксамитная // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2016. — № 4. — С. 201–210.

Макеев С. Стратифицированно-дифференцированная структура городского населения Украины / Сергей Макеев, Анна Домаранская // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2014. — № 4. — С. 42–65.

Макеев С. Уявлення громадян України про соціальну нерівність: глобальна перспектива / Сергій Макеев, Ліна Малиш // Українське суспільство 1991–2012. Соціологічний моніторинг. — К.: Ін-т соціології НАНУ, 2012. — С. 204–209.

Нерівність в Україні: масштаби та можливості впливу / за ред. Е.М. Лібанової. — К.: Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи НАНУ, 2012. — 404 с.

Печенкин В.В. Сетевые методы исследования виртуальных сообществ / Виталий Владимирович Печенкин, Владимир Владимирович Зайонц // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 5. — С. 71–75.

Пикетти Т. Капитализм в XXI веке / Томас Пикетти. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 592 с.

Рыков Ю. Область интернет-исследований в социальных науках / Юрий Рыков, Олег Нагорный // Социологическое обозрение. — 2017. — Т. 16, № 3. — С. 366–408.

Симончук Е. Классовые структуры в сравнительной перспективе / Е. Симончук // Украинское общество в европейском пространстве / под ред. Е. Головахи и С. Макеева. — К.: Ін-т соціології НАНУ; Харків. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна, 2007. — С. 33–104.

Скокова Л. Участь у мережево-цифровій культурі в Україні: порівняльна динаміка / Людмила Скокова // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2017. — № 1. — С. 145–163.

Стан сингулярності: соціальні структури, ситуації, повсякденні практики / за ред. С. Макеєва і С. Оксамитної. — К.: Нац. ун-т “Києво-Могилянська академія”, 2017. — 180 с.

Стиглиц Д. Великое разделение. Неравенство в обществе или что делать оставшимся 99% населения? / Джозеф Стиглиц. — М.: Эксмо, 2016. — 480 с.

Стиглиц Д. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Джозеф Стиглиц. — М.: Эксмо, 2015. — 512 с.

Украинское общество в европейском пространстве / под ред. Е. Головахи и С.Макеева. — К.: Ин-т социологии НАНУ; Харьков. нац. ун-т им. В.Н. Каразина, 2007. — 273 с.

Шабашев В.А. Тенденции цифрового равенства/неравенства в современном мире / В.А. Шабашев, Л.Н. Щербакова // Социологические исследования. — 2016. — № 9. — С. 3–12.

Alvaredo F. Global Inequality Dynamics: New Findings from WID.world [Electronic resource] : NBER Working Paper No. 23119, February 2017 / Facundo Alvaredo, Lucas Chancel, Thomas Piketty, Emmanuel Saez, and Gabriel Zucman. — Access mode : <http://www.nber.org/papers/w23119>.

Dunbar R.I.V. The structure of online social networks mirrors those in the offline world / R.I.V. Dunbar, V. Arnaboldi, V.Conti, A.Passarella // Social Networks. — 2015. — Vol. 43, Oct. — P. 39–47.

Edlund J. Social Inequality in the Eyes of the Public: A Collection of Analyses Based on ISSP Data 1987–2009 / Jonas Edlund, Insa Bechert & Markus Quandt. — Koln : GESIS – Leibniz Institute for the Social Sciences, 2017. — 138 p.

Gimpelson V. Misperceiving Inequality [Electronic resource] : NBER Working Paper Series, Working Paper No. 21174, May 2015 / Vladimir Gimpelson, Daniel Treisman. — 61 p. — Access mode : <http://www.nber.org/papers/w21174>.

Goldthorpe J. Analysing social inequality: A critique of two recent contributions from economics and epidemiology / John Goldthorpe // European Sociological Review. — 2010. — Vol. 26, No. 6. — P. 731–744.

Halford S. Speaking Sociologically with Big Data: Symphonic Social Science and the Future for Big Data Research / Susan Halford, Mike Savage // Sociology. — 2017. — (First Published June 2. Reprints and permissions: sagepub.co.uk/journalsPermissions.nav DOI: 10.1177/0038038517698639).

Irwin S. Lay Perceptions of Inequality and Social Structure / Sarah Irwin // Sociology. — (First published 23 august 2016. The Author(s) 2016. Reprints and permissions: sagepub.co.uk/journalsPermissions.nav DOI: 10.1177/0038038516661264 soc.sagepub.com).

Kairam S.R. The life and death of online groups: Predicting group growth and longevity / S.R. Kairam, D.J. Wang, J. Leskovec // Proceedings of the 5th ACM International Conference on Web Search and Data Mining. — N.Y., 2012. — P. 673–682.

Novokmet F. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016 [Electronic resource] : NBER Working Paper Series, Working Paper No. 23712, August 2017 / Filip Novokmet, Thomas Piketty, Gabriel Zucman. — 79 p. — Access mode : <http://www.nber.org/papers/w23712>.

Piketti T. Capitalism in the Twenty-First Century / Tomas Piketti. — Cambridge : The Belknap Press of Harvard University Press, 2014. — 685 p.

Savage M. A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment / Mike Savage, Fiona Devine, Niall Cunningham, Mark Taylor, Yaojun Li, Johs. Hjellbrekke, Brigitte Le Roux, Sam Friedman and Andrew Miles // Sociology. — 2013. — Vol. 47, No. 2. — P. 219–250.

Therborn G. The Killing Fields of Inequality // Goran Therborn. — Cambridge : Polity Press, 2013. — 212 p.

Walby S. Globalization and Inequalities. Complexity and Contested Modernities / Silvia Walby. — Los Angeles : SAGE, 2009. — 508 p.

Wilkinson R. The Spirit Level. Why Greater Equality Makes Society Stronger / Richard Wilkinson, Kate Pickett. — N.Y. : Bloomsbury Press, 2010. — 374 p.